

УДК 94: 316.356.4“1919/1939”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/2

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ГАЛИЦИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД XX в.

Б.П. Савчук¹, Г.В. Билавич²

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Т. Шевченко, 57

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Авторское резюме

В статье представлен комплексный анализ проблемы происхождения и использования исторических названий Галиции в межвоенный период XX в. Показаны процесс их формирования в X–XIX вв. (Галицкое княжество, Галицкая земля, Галицкая Русь, Галицкое воеводство, Червонная Русь, Королевство Галиции и Лодомерии, Восточная Галиция и др.) и возникновения новых форм этнорегиональных терминов в 20–30-е гг. XX в. (*кресы всходни*, *Малопольша Входня*, *восточные воеводства* и др.). Освещаются использование этих названий разными общественно-политическими течениями и организациями, этническими общностями края в межвоенный период XX в., а также интерпретация данной проблемы в польской (в частности, сквозь призму кресового дискурса), российской, украинской историографиях.

Ключевые слова: Галиция, Восточная Галиция, межвоенный период, русины, кресы всходни, Малопольша Входня.

ON THE USE OF HISTORICAL NAMES OF GALICIA IN THE INTERWAR PERIOD OF THE 20TH CENTURY

B.P. Savchuk¹, G.V. Bilavych²

Vasil Stefanik Carpathian National University
57 T. Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Abstract

The historical name of Galicia represents a peculiar phenomenon in the development of ethnotoponyms of the Carpathian-Dniester lands and the entire East Slavic region. Having more than two thousand years of history, in the 11th – 19th centuries, it became the base for the names that designated the formation of state-political entities and served as a marker for determining the regions of Rusinian population residence, generating a multitude of new ethnotoponymic structures. At the same time, the root word *Galicia* has been preserved in different versions. The article presents a comprehensive analysis of the origin and use of historical names of Galicia in the interwar period of the 20th century, showing their formation in the 10th – 19th centuries (Principality of Halych, Halych Land, Galicia, Ruthenian Voivodeship, Red Ruthenia, the Kingdom of Galicia and Lodomeria, Eastern Galicia, etc.) and the emergence of new forms of ethno-regional definitions in the 1920–30s (*kresy wschodnie*, *Malopolska Wschodnia*, *Eastern Voivodeships*, etc.). The authors focus on the use of these names by various socio-political movements, organisations, and regional ethnic communities during the interwar period of the 20th century as well as their interpretation in Polish (in particular, through the prism of the *kresy* (old borderlands) discourse), Russian, and Ukrainian historiographies.

Keywords: Galicia, Eastern Galicia, interwar period, Rusins, *kresy wschodnie*, *Malopolska Wschodnia*.

В массе накопившихся во второй половине XX – начале XXI в. научной литературы по истории Галиции отсутствуют обобщающие исследования, касающиеся использования ее исторических названий в общественной жизни региона и в научной историографии. Предметное изучение данной проблемы, особенно касающееся 20–30-х гг. XX в., актуализует сложившаяся в постсоветской науке ситуация, когда авторы декларируют в заглавиях и используют в текстах названия этого региона, которые не соответствуют их реальному содержанию, не отражают предмет исследования.

В данной статье мы ставим задачи определить обстоятельства происхождения и суть основных исторических названий Галиции, обосновать целесообразность их использования в контексте исторического развития региона в межвоенный период XX в., выяснить подходы национальных историографий к этой проблеме.

Решение этих задач требует учета двухвекового опыта (В.Б. Антонович, Ф.Ф. Аристов, Г. Величко, Я.Ф. Головацкий, М.С. Грушевский, Д.И. Зубрицкий, А.А. Кочубинский, И.П. Крипьякевич, В.М. Кубийович, Г.И. Купчанко, Ф.И. Свистун, И.П. Филевич, И.Я. Франко и др.) формирования синкретического жанра землеописания восточнославянского региона, Карпато-Днестровских земель, Украины и современных парадигм их изучения в разрезе исторической регионалистики

(В.А. Булкин, Я.В. Верменич, Л.В. Войтович, А.С. Герд, Л.Е. Горизонтов, П.Р. Магочий, Н.М. Пашаева, В.Т. Пашуто, С.Г. Суляк и др.), исторической географии, топонимики, картографии (О.Е. Афанасьев, И.А. Еремия и др.), этнологии и этнографии (Ю.Г. Гошко, Д.К. Зеленин, С.А. Макарчук, Б.П. Савчук и др.)¹.

Отметим опыт исследования С.Г. Суляком русинской топонимики Карпато-Днестровских земель, который синтезирует накопленные за полтора тысячелетия лингвистические, археологические, исторические источники, этимологический анализ сотен топонимов и гидронимов, результаты изучения проблем этногенеза разных народов Молдавии, Румынии, Буковины, Бессарабии и т. д. (Суляк 2018). Такой комплексный междисциплинарный подход эффективен при изучении полиэтнических территориальных феноменов.

Особенный интерес представляет концептуальная работа С.Г. Суляка, посвященная вопросу терминологии Карпатской Руси. В ней проведен тщательный анализ региональной русинской топонимики (Галичина, Буковина, Угорская Русь, Бессарабия, Холмщина, Подляшье) в тысячелетней ретроспективе и с акцентом на ее развитии в XIX – начале XX в. (Суляк 2019). Наша статья в некоторой мере является продолжением этой рецепции в более узком сегменте трансформации и использования исторических названий Галиции в 20–30-е гг. XX в.

В современном научном дискурсе утверждается парадигма, согласно которой первостепенное значение в изучении отдельных социумов отводится не «временным», а «пространственным» факторам, которые выступают основной структурной и системообразующей доминантой исследований. Учитывая опыт изучения понятия *регион* (Верменич 2003: 81–82; Савчук 2004: 40–44; Каримова 2006: 32–38), исходим из его определения как фрагмента глобального социума, концептуального пространства, территориальной единицы, исторически сформированного социокультурного ареала, население которого управляемо, не имеет государственно-политического суверенитета и отличается этноисторическими, ментальными особенностями, внутренней системой социальных связей, другими признаками.

Наш методологический подход предусматривает синтезированное изучение тысячелетней ретроспективы появления разных исторических названий Галиции, выяснение обстоятельств их трансформации и использования в межвоенный период, анализ рецепции проблемы в украинской, польской, российской историографиях.

Осмысливая ретроспективу возникновения исторических названий Галиции, попадаем в лабиринт их сложных переплетений, которые в разных вариантах выявлялись и трансформировались в 20–30-х XX в.

Корни происхождения этнопонима² *Галиция* (укр. *Галичина*; польск. *Galicja*, нем. *Galizien*) следует искать в периоде IV в. до н. э. – VIII в. Эта проблема остается предметом дискуссий³. Последующую эволюцию этого названия обозначают этнополитонимы *Галицкая земля*, *Галицкая Русь*, *Галицкое княжество*, *Галицко-Волынское княжество*, отражающие процессы формирования государственности в юго-западной части восточнославянского региона в X – начале XIV в., а также их эволюцию в традиции летописания. В процессе перераспределения территории Галиции между князьями, а в XIV–XVIII вв. и между разными государствами возникали и трансформировались названия *Галицкая земля*, *Галицкие волости*, *Галицкая Русь*, *Галицкое воеводство*, *Руське воеводство*, *Руськое королевство*, *Королевство Русь*, *Червонная Русь*⁴ и др. (Войтович 2011; Суляк 2019: 275–278).

После трех разделов Польши и территориальных перераспределений конца XVIII – начала XIX в. территория Галиции как коронный край и северо-восточная провинция монархии Габсбургов стала именоваться *Королевством Галиции и Лодомерии* (нем. *Königreich Galizien und Lodomerien*). Утвердив это дуалистическое название – *Galicja* (реже – *Halicja*) и *Lodomeria* (*Лодомерия*, *Володимерия*, т. е. *Волынь*) как официальное, Габсбурги не апеллировали к исторической традиции русинов, а стремились таким образом обосновать свое наследственное право на владение этими землями. Написанные с этой целью исторические работы⁵ дали повод для научного дискурса.

Объединение в одной просуществовавшей до 1918 г. провинции Восточной Галиции, где доминировало русинское население, и Западной Галиции, которая охватывала польские этнические земли, стало миной замедленного действия, которая с 1848 г. постоянно детонировала конфликтами между русинами и поляками в плане официального статуса региона и множества политических и культурных вопросов, касавшихся их национальных прав и интересов.

После Первой мировой войны возрожденная в статусе самостоятельного государства Польская Республика интегрировала многонациональную Восточную Галицию. Как одно из средств политики национальной ассимиляции ее русинско-украинского населения⁶ она, как нам представляется, фактически впервые предприняла попытку сломать тысячелетнюю традицию исторического наименования Галиции.

В 1919–1921 гг., после падения Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), вопрос о Восточной Галиции (как никогда прежде) актуализировался на международной арене. Результаты анализа международных документов – договоров, соглашений, переписки, деклараций и т. п. (Західно-Українська 2011) – свидетельствуют о

международном признании названия *Восточная Галиция*. Среди дипломатов, лидеров зарубежных стран, международных организаций существовало достаточно четкое понимание исторического, этнокультурного своеобразия и интересов коренного населения региона, которое в разных случаях упоминалось как *русины*, *руські*, *украинцы*. Об этом свидетельствует утвержденный Лигой Наций в ноябре 1919 г. «Устав для Восточной Галиции», согласно которому определялись ее границы, а Польша получила 25-летний мандат на управление краем при условии предоставления ему автономии и признания языково-культурных прав его коренного населения (Статут 1919). Однако он был отклонен и украинской, и польской сторонами.

Межвоенная демократическая Польша последовательно реализовала курс на поэтапное государственное, а затем этнокультурное поглощение Восточной Галиции и ассимиляцию ее коренного населения. В законодательном порядке 20 января 1920 г. был распущен Галицкий краевой сейм (ЦДІАУ 2: 1). В украинской историографии, как правило, с привязкой к материалам т. н. Кровавой книги⁷, утверждается, что уже в марте 1920 г. было запрещено употребление названий *Восточная Галиция*, *Западная Украина*, *украинский*, *украинец*, которые замещались официальными терминами *Восточная Малопольша* (польск. *Małopolska Wschodnia*), *русин* (*русинский*), *руський*. Поэтому важно зафиксировать принятое 26 мая 1923 г. Советом министров Польши постановление об официальном введении названия *восточные воеводства* вместо *Восточная Галиция* и *Западная Украина* (ЦДІАУ 3: 1).

Это была реакция на включение, согласно решению польского правительства от 17 января 1921 г., территории бывшей Галиции в общегосударственную административную систему Польши. В обиходе появилось ее новое официальное название – *Малопольша* (польск. *Małopolska*⁸), которая «по традиции» делилась на две части. Восточная Малопольша (Восточная Галиция) была поделена на три воеводства общей площадью 50 236 км: Станиславское и Тернопольское воеводства, включавшие только русинско-украинские земли, а также Львовское, к которому присоединили еще и 11 польских повитов (уездов). Западная Малопольша (*Zachodnia Małopolska*; Западная Галиция) включала Краковское воеводство (28 744 км), в составе которого оказалась этнически русинская Лемковщина (ЦДІАУ 2: 17–21; Maliszewski 1923: 66).

Также, как правило, без обращения к конкретным документам в исторической литературе констатируется факт появления термина *восточные кресы* (польск. *Kresy Wschodnie*; от *kres* – *граница, окраина, край*) для обозначения находившихся в составе Польши территорий Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы. Согласно адми-

нистративному делению, сюда входили воеводства Станиславское, Тернопольское, часть Львовского, Волынского, Полесское, Виленское, Новогрудское, один повит Белостоцкого воеводства, где этническое большинство составляли украинцы, белорусы, литовцы.

Появление термина *восточные кресы* мы связываем с принятием польским сеймом 31 июля 1924 г. трех т. н. называемых кресовых законов, которые регулировали использование на обозначенных территориях официального польского языка в органах государственной власти и самоуправления, судах, прокуратуре и нотариате, в учебных заведениях (Dziennik 1924). Комментируя суть этих актов, их главный идеолог Ст. Грабский утверждал, что они исходят из признания «жизненных реалий», что «польская Речь Посполита есть Польское государство» и в ее границах не должно быть и пяди земли, где бы этот факт не признавался (Dziennik 1924: N 79: 12–13).

В идейно ангажированной постсоветской историографии феномен восточных кресов и их составляющей – Восточной Галиции преимущественно определяется как проявление деструктивной, ассимиляторской политики Польши в отношении вошедших в ее состав иноэтнических регионов. Мы склонны считать, что в поисках приемлемой модели реализации курса на создание мононационального государства польский политический истеблишмент прежде всего апеллировал к собственным национальным традициям.

О несостоятельности ассоциирования восточных кресов исключительно как региона, которому отводится роль «сырьевого придатка», «колониального анклава», «культурного маргинала», свидетельствует полуторавековой кресовый дискурс⁹. Исследуя его как аксеологическую категорию, Я. Кольбушевский показал, что название *кресы* связано с т. н. утраченными землями – восточными регионами Первой Речи Посполитой. Лексема *кресы* приобрела эмоциональную окраску и используется в трех значениях: 1) топографическом – определяет их в историческом контексте; 2) мифическом – ассоциирует с «пышной природой», богатой жизнью, славянщиной, высокой культурой; 3) как «фанатизм крепости»¹⁰ (Kolbuszewski 1997).

Понимание правящей элитой межвоенной Польши восточных кресов прежде всего как приграничной полиэтнической территории государства подтверждает и факт сохранения термина *западные кресы*, большая часть которых входила в ее состав.

Однако русинско-украинская элита воспринимала факт включения Восточной Галиции в пространство «кресового пограничья» как наступление на ее автономность и отрицание этнокультурной идентичности. В таком плане заслуживает внимания рецепция французского специалиста по истории Украины и Польши Д. Бовуа, который,

учитывая историческую ретроспективу, развенчал «миф восточных окраин» межвоенной Польши. Исходя из того, что «кресовый стереотип» утвердился в XV в., когда под влиянием татарской агрессии в Европе возникла визия, будто восточные границы Польши являются «крепостью всего христианства», а после ее разделов он приобрел эмоциональную окраску, слился с представлением о «польском превосходстве», автор считает парадоксальным и неестественным перенесение этого названия на восточных соседей Польши. Кресы «могут быть только польскими», и такое их определение всегда будет «солью в глазу» этих народов. «Они требуют уважения», а вместо этого их трактовали как периферию Польши, поэтому «их национальное достоинство не могло с этим согласиться» (Beauvois 1994).

При анализе кресовой проблемы в межвоенной Польше напрашивается еще одна аналогия. Речь идет о пресловутом «сокальском кордоне», который проходил по бывшей австро-российской границе и был установлен властью Польши для предотвращения влияния «деструктивной Галиции» на ее северо-западные земли, Волынь и Холмщину. Таким образом, если Габсбурги искусственно реанимировали название *Королевство Галиции и Лодомерии*, хотя Волынь в XIX – начале XX в. находилась в составе Российской империи, то, оказавшись в межвоенный период вместе с Галицией в составе одного государства – Польши, они были формально объединены в восточные кресы, а в сущности разъединены и противопоставлены.

В условиях идейно-политического и культурно-этнического плюрализма в межвоенной Польше возникла ситуация, когда на разных уровнях общественной жизни (государственном, национально-политическом, научном, культурологическом, образовательном, издательском, бытовом) для обозначения Восточной Галиции использовались разные (как вновь принятые, так и старые) исторические названия. С этим вопросом тесно связаны отличия в употреблении этнонимов, которые еще выразительнее и острее ощущались разными акторами общественных отношений.

Государственные и административные органы в официальном делопроизводстве употребляли термины *Małopolska Wschodnia*, *Kresy Wschodnie*, *Język rusjki* (русский язык). Публично, особенно в русле политики «нормализации» польско-украинских отношений середины 30-х гг. XX в., декларировался «нейтралитет» власти по этому вопросу. Показательным стало выступление в 1937 г. польского сенатора В. Децикевича, который утверждал, что Польша всегда толерантно относилась к употреблению названий *русин*, *русский*, *украинец*, *Восточная Галиция*, *Галицкая Русь*. При этом он ссылался на решения Министерства внутренних дел, которые предписывали, что если

общины сами принимали то или иное название, то органы администрации должны использовать их индивидуально и не имеют права вмешиваться в такого рода споры (М. С. 1937).

На самом деле дела обстояли иначе. В массе находящихся в Центральном государственном архиве Украины в г. Львове (ЦДІАУ 1) и областных архивах Украины документов Министерства внутренних дел, Министерства образования и религии, воеводских и поветовых администраций в вопросах контроля, регулирования и анализа общественной жизни в Галиции использовался широкий спектр исторических названий и этнонимов. Их выбор обуславливался характером и содержанием текста. В документах предписывающего и разрешительного характера фигурировали официально принятые термины *Малопольска Всьходня, восточные кресы, восточные воеводства, руський*, иногда *русины*. В информационно-аналитических материалах (рапортах, донесениях, справках, отчетах), отражающих характер общественных и национальных отношений, кроме вышеупомянутых, употреблялись термины *украинцы, украинский, Галиция, Восточная Галиция, Западная Украина*. При этом они, как правило (в зависимости от грамотности составителей), брались в кавычки или подавались с приставкой *tzw-* («так называемый»). Тем самым подчеркивался их «политический», «оппозиционный», «деструктивный» характер, противоречащий официальным представлениям о «публичном порядке и спокойствии».

Таким образом, вся вертикаль власти на словах декларировала толерантное отношение к национальным интересам русинско-украинского населения Восточной Галиции и признание его прав на этническую самоидентификацию, а на практике препятствовала их реализации. Об этом ярко свидетельствует деятельность воеводских и повитовых органов администрации и полиции, наделенных функциями контроля, регулирования и управления общественной жизнью Восточной Галиции. Многочисленные архивные документы свидетельствуют, что они отказывались регистрировать местные общественные организации, запрещали проведение ими просветительских мероприятий из-за того, что в предложенных документах (программах, афишах и т. п.) фигурировали названия *украинский, Галиция, Западная Украина*, а также *Галицкая Русь* и др. Их подателей заставляли использовать польскоязычные формы этнонимов, топонимов, комонимов, гидронимов. В случаях с Обществом им. М. Качковского и других москвофильских организаций отказы мотивировались использованием этимологического правописания документов.

В общественных, культурных, научных кругах разных этнических групп Галиции не было единства в вопросе использования ее исто-

рических названий. Это показательно проявилось в периодических изданиях. В частности, «Monitor Polski» («Монитор польский») и другие правительственные издания использовали только официально принятые названия *Малопольша Востдня, восточные воеводства, восточные кресы* и др. Такой же позиции придерживалась «Chwila» – газета, которую издавали евреи, принявшие польскую культуру. А наиболее популярные среди польской общественности «Kurier Lwowski» («Курьер львовский»), «Dziennik Polski» («Ежедневник польский»), «Warszawski Dziennik Narodowy» («Варшавский национальный ежедневник»), вокруг которых группировались представители науки и культуры, придерживались более демократичной позиции: исторические названия Галиции употреблялись в соответствии с историческими периодами и обсуждаемой проблематикой.

В межвоенной периодике Галиции нами выявлена активная эксплуатация разных вариантов термина *Червонная Русь* для обоснования определенных идейных взглядов. Так, с одной стороны, польские публицисты, опираясь на работы своих историков (С. Закшевского, В. Кентьшинского и др.), интерпретировали его как *Червенская Русь* и на этой основе, опираясь на утверждения о польском, а не о русинском характере Червонных градов X–XI вв., обосновывали «историческую справедливость возвращения» Галиции «в лоно Речи Посполитой».

С другой стороны, русофильские издания 20-х гг. XX в. некоторое время продолжали озвучивать идеи газеты «Червонная Русь» (выходила в 1888–1890 гг. во Львове, затем как «Галицкая Русь» в 1891–1893 гг. и как «Галичанин» в 1893–1913 гг.), которая своим названием и его историческим толкованием пыталась противопоставить русинов Галиции украинскому населению Надднепрянской Украины. Но позже отказались от такого постулата, который не соответствовал главному концепту об их общей принадлежности «к единому русскому народу».

Это стало лишь одним из проявлений большого разнобоя в использовании этнотопонимов в идейно разобленном русинско-украинском лагере. Проукраински ориентированные политические партии (от национал- и социал-демократической до радикально-националистической ориентации), как и культурно-просветительские, финансово-экономические, церковные институты, сохраняли относительное единство в этом вопросе. Не только во внутреннем делопроизводстве, но и в переписке с органами власти, в прессе они, игнорируя официальные, использовали традиционные названия *Галиция, Восточная Галиция, Русь, Украина*, а в историческом контексте – *Галицкая Русь, Червонная Русь* и др.

Под влиянием революционных событий 1917–1919 гг. в публичном обиходе стали утверждаться названия *Западная Украина, западно-*

украинские земли (применялась аббревиатура ЗУЗ), *Западная Волянь*, *северо-западные земли* для обозначения входивших в состав Польши Западной Волины, Холмщины, Подляшья, Западного Полесья.

Также имела место тенденция, когда в первой половине 20-х гг. XX в. названия *русин*, *руський*, *украинец* в публичной жизни употреблялись совместно, а в дальнейшем стали преимущественно использоваться названия *украинец*, *украинский*, так что два первых термина и производные от них применялись главным образом в историко-ретроспективном контексте.

Другая ситуация сложилась в лагере русофилов¹¹, которые, оправившись от австро-венгерских репрессий 1915–1918 гг., в межвоенный период переживали сложные процессы самоидентификации и организации общественной деятельности. Их идейная позиция по обсуждаемому вопросу нашла выражение в программных заявлениях политических организаций. Созданная в 1923 г. «Русская народная организация»¹² провозгласила себя союзом русского населения Галиции, который признает «национальное и культурное единство всех русских племен» (Організаційний 1928). А на созванном в Варшаве в марте 1925 г. съезде по вопросам образования ее представители призвали активно бороться за «русскую школу» для всего «русского населения» Польши, потому что «и Волянь, Полесье, Холмщина, Белая Русь», и Восточная Галиция с Лемковщиной всегда были и теперь остаются «русскими землями», на которых всегда проживала и проживает часть «великого русского народа», единого по происхождению и культуре (Русский 1925).

Можно проследить эволюцию галицких русофилов в вопросе использования исторических названий территорий проживания русинов. В первом выпуске «Талергофского альманаха», где печатались воспоминания об австрийских репрессиях в 1914–1915 гг. (Талергофский 1924), встречаем широкий спектр таких названий с характерными особенностями правописания: *Восточная Галиция*, *Буковина*, *Закарпатье*, *Лемковщина (в Западной Галиции)*, *Прикарпатская Русь*; *въ Галичинъ*, *Буковинъ*, *Угорской Руси*; *Галицкая Русь*, *Буковинская Русь*; *Угорская*, а ныне *Карпатская Русь* и др. А в третьем выпуске «Талергофского альманаха» (Талергофский 1930), как и в периодических печатных изданиях «Русский голос», «Земля і воля», «На рубежѣ» (орган студенческого общества «Друг»), «Вѣстник народного дома», уже главным образом фигурировали названия *Галиция*, *Галицкая Русь*, *Закарпатская Русь*, *Волянь*.

Примечательно, что в уставе Общества им. М. Качковского (Уставъ 1928) территория его деятельности определялась термином *Восточная Галиция*, в то время как в учредительных документах большинства

проукраинских общественных ассоциаций, согласно действующему законодательству, она обозначалась по названиям воеводств.

Под влиянием общественных изменений эволюционировало массовое сознание русинско-украинского населения Галиции, которое в вопросах этнокультурной самоидентификации всегда было более консервативным, чем национальная элита. В своих воспоминаниях В. Макар, впоследствии деятель националистического движения, утверждает, что термином *украинский* начали замещать самоназвание *русинский* только под влиянием революционных событий на Украине 1917–1918 гг. Это отразилось и в песнях, исполнявшихся в приюте г. Станислава, где он воспитывался: если раньше пели «В нас родина вся одна / Наша мила Русь Свята...», то вскоре, по настоянию его патрона епископа Г. Хомишина, слова *Русь, русин* заменили на *Вкраина, украинец* (Макар 2001: 74–76).

Очевидно, что в крестьянской и мещанской массе, которая составляла до 95 % русинско-украинского населения Галиции, изменения в этнотерриториальных представлениях происходили еще медленнее и в категориях современной этнологии и социологии не кристаллизировались до 1939 г. Материалы переписи населения и другие источники свидетельствуют, что жители края могли самоидентифицироваться только по вероисповеданию, а на основе языка испытывали определенные трудности. Они имели смутное представление не только о региональных названиях (*Галиция, кресы, Малопольша Восточная* и др.), но и о территориально-административных единицах. На эти и подобные вопросы крестьяне часто отвечали, что, «как и их деды-прадеды», они «русины», «руськие», «тутешние».

Принимая во внимание эти факты, как и звучавшие в 1939 г. призывы греко-католических священников к прихожанам называть себя украинцами, а не русинами (Федевич 2009: 20–21), следует все же признать, что значительная часть крестьянства считала себя украинцами и имела достаточно четкие этнотерриториальные представления о Галиции (Восточной и Западной) и соседних с ней регионах (Подкарпатская Русь, Волынь, Холмщина), как и об Украине, Польше, Советской России. Важную роль в формировании их этноисторического самосознания играла просветительская деятельность украинских общественных организаций.

Проблема использования исторических названий Галиции с позиций ретроспективы и современности нашла отражение в интеллектуальных кругах края межвоенного периода. Он стал важным этапом в развитии упомянутого кресового дискурса, который можно обозначить тремя группами творческих изысканий: 1) исторические нарративы; 2) поэзия; 3) воспоминания.

В первой группе заслуживают внимания работы известного публициста, историка и политика И. Бартошевича, который обосновал программу мирной экспансии Польшей восточных кресов. Размышляя о ее государственных границах, он предложил отличать понятия *историко-политическая территория* как земли, необходимые для развития нации, и *этнографическая территория* как «ареал племени, народности». Исходя из того, что нация не может ограничиваться территориями, которые она заселяет, обосновывалась необходимость ее «мирной экспансии» на земли других народов, племен. Если они пассивны и политически не организованы, эта экспансия будет достаточной легкой, мирной (Bartoszewicz 1924; Bartoszewicz 1929: 27–29; 99–109). При этом И. Бартошевич понимал, что «пограничные области» (Червонная Русь, Западное Подолье, Волынь, Полесье, Литва), которые «сегодня» находятся в пределах Польши, никогда не были «польской окраиной». Поэтому эти «русинско-литовские земли» называть «кресами» неправильно и несправедливо, ибо «наши границы» лежали «вне их оцепления» (Bartoszewicz 1924: 3–4).

Апеллируя к актуализованной в межвоенной Польше т. н. ягеллонской идее¹³, польские историки (О. Галеский, В. Конопчинский, К. Нич, К. Скирмунт и др.) под углом проблемы «пограничных» и «приграничных» территорий дискутировали о сущности и правомерности использования названий *восточные кресы*, *Малопольша* *Всходня*, *Червонная Русь* и др. Феномен восточных кресов рассматривался в контексте понятия *пограничье*, которое, благодаря своему своеобразному «красноречивому названию», отражает механизмы «сокращения, загрузки или расширения» в «хаотическом переходном процессе» национальных изменений на этих «присоединенных» / «возвращенных» землях (Skirmuntt 1925: 5).

Отметим и малоизвестную работу профессора Краковского университета К. Нича «O nazwy dzisiejszych czesci Polski» («О современном названии части Польши»), в которой показана необоснованность названия *Малопольша* *Всходня*: неудачная копия названия *Малой Польши* как отдельного региона со своей сложной историей, что дезориентирует общественную мысль современной Польши, вносит хаос в ее историческую память¹⁴.

Вторую группу межвоенной кресовой литературы представляет поэзия А. Загурской («К дню Воскресения»), Я. Красицкой («Рогалиты»), К. Иллакович и др. Детальный анализ их произведений, сделанный польским литературоведом Ст. Ульяшем, показывает, как созданные поэтами яркие художественные образы передают ментальные и регионально-пространственные представления местного населения

в атрибутивных понятиях *кресы*, *кресовость*, *краянство* и в категориях самоидентификации по линиям пересечения и противопоставления «я» – «мы» – «они»; «свои – чужие»; «оскорбленные» – «удовлетворенные» и т. п. (Ульяш 2011: 81–96).

Среди отнесенных к третьей группе кресовых воспоминаний, кроме женских реминисценций (З. Коссак-Щуцкой, М. Дудин-Козицкой, Е. Залеско-Дорожинской, З. Жураковской) (Ульяш 2011: 95–105), представляют интерес мемуары упомянутого Ст. Грабского, известного государственного деятеля, министра образования и религии Польши 1923, 1925–1926 гг. Они проливают свет на эпохальные события, связанные с противоречиями вокруг подписания Рижского мирного договора (понимание его участниками сути названий разных регионов Украины и Польши, их границ), на дискуссии вокруг кресовых законов 1924 г., ставших важной детерминантой утверждения названия *восточные кресы*, других аспектов этнополитики Польши (Grabski 1989).

Для формирования научного взгляда на то, как представители разных этнических групп (русины, поляки, евреи) понимали и относились к вопросам, связанным с названиями *восточные кресы*, *Малопольша*, *Восточная / Западная Галиция*, и самоидентифицировались с ними, представляют интерес автобиографические произведения¹⁵ уроженцев Галиции Л. Бучковского «Чёрный поток» и А. Хцюка «Атлантида». Написанные уже в эмиграции, они отражают исторический и экзистенциальный опыт писателей и общественных деятелей польско-украинского пограничья, который демонстрирует перманентное сравнение «идеализированного прошлого» и «враждебного настоящего» (Buczkowski 1979; Chciuk 2002).

Такой краткий синтезированный срез кресового дискурса считаем продуктивным и полезным для украинской и российской историографий, которые, исходя из предоставленных его участниками источников, могут значительно расширить границы видения развития русинско-украинского социума Галиции в разные исторические периоды.

Польский кресовый дискурс нашел свою «оппозиционную рецепцию» в творчестве известного украинского прозаика начала XX в. Леся Мартовича. В романе «Суеверие» («Забобон») он показал драматическую жизнь полячки Кранцовской, несчастной женщины-пьяницы, вступившей в связь с русином Матчуком, который ее откровенно презирал (Леся Мартович 1954: 219–462). Таким образом, мифической «кресовой женщине» противопоставляется образ экзальтированной «кресовянки» Кранцовской, которая, кроме всего прочего, и своей красноречивой фамилией символизировала неприятие навязанной русинам Восточной Галиции гегемонии польской

элитной культуры. Такой «межкультурный мезальянс» олицетворяет ее «рубеж» и «закат» как исчерпавшей себя самовольно навязанной «духовной ценности».

Проукраинскую визию понимания и использования исторических названий Галиции в межвоенные десятилетия XX в. условно подытожила аналитическая статья «Старое, доброе и правильное название: Галичина» в газете «Дело» за 27 февраля 1939 г. Ее анонимный автор, безусловно, ученый-специалист, утверждал, что «застолбить» название территории или края можно тремя путями: 1) распоряжением властей; 2) научными исследованиями, особенно если речь идет о названиях, утративших бывшее государственно-политическое или национальное значение; 3) традицией и обычаем. Проанализировав мировой опыт, он показал, что второй вариант – наилучший, но в реалиях общественной жизни края реализовался первый путь. Несмотря на это, название *Галичина* стало общепринятым для всего населения края, включая русофилов и большинства не только евреев, но и поляков, если они «забывали о политике» (Стара 1939). Исходя из анализа артефактов и историко-географических исследований, автор статьи раскрыл обстоятельства появления и исчезновения более десятка исторических названий Галиции. В итоге он пришел к выводу: за семь веков существования название *Галичина* укоренилось в исторической памяти не только русинов-украинцев, но и поляков, поэтому все попытки его устранения надо расценивать как выступление последних и против «своего исторического прошлого» (Стара 1939).

Продолжая эту мысль, отметим, что именно в Галиции в межвоенный период появились фундаментальные исследования, которые сыграли важную роль в формировании исторической регионалистики Украины. Среди них – базовые работы основателей украинской этногеографии, демогеографии, картографии С.Л. Рудницкого «Обзор национальной территории Украины» и др. (написаны в Вене в 1919–1923 гг.), В.М. Кубийовича «Атлас Украины и смежных краев» (1937), «Украинская общая энциклопедия “Книга знаний”» (в 3 т.; Львов, 1930–1933) и др.

Обозначенные выше и другие исторические обстоятельства, преломленные через идеологические и методологические традиции, нашли отражение в рецепциях понимания и употребления исторических названий Галиции в разных национальных историографиях.

Наиболее системно и последовательно к этой проблеме подходят польские историки. Эта традиция сохраняется от написанных с позиций позитивизма и поиска новых демократических парадигм работ 70–80-х гг. XX в. (М. Паперженская-Турек, Р. Торжецкий, А. Хойновский и др.) до современных, которые отличаются идейным и научным плю-

рализмом, широким спектром тематических подходов к межвоенной истории Галиции (Б. Гальчак, Р. Дрозд, Я. Моклак, З. Смолак и др.). Для них характерно употребление названий *Восточная Галиция*, *Западная Галиция*, *Западная Украина*, *кресы всходни*, *Малопольща Входня* и др. с учетом их официального статуса, этнического состава населения, внутренней территориально-административной структуры, других этнорегиональных реалий того времени и современных научных характеристик.

Украинские исследователи предоставили наиболее обширный массив научных работ по истории Галиции межвоенного периода, которые показывают широкую палитру подходов к использованию ее названий. Это нашло отражение в сложном ряду «дихотомий», когда в названии работы фиксируются термины *Галиция* или *Западная Украина*, а изложенные материалы касаются только Восточной Галиции; когда понятие *Малопольща Входня* используется по отношению не только к Восточной Галиции, но и к Западной Волыни, а то и ко всей Западной Украине, с которой нередко отождествляется термин *Малопольща*. Термин *восточные кресы* часто употребляется в отношении только Галиции или Западной Украины, хотя он касается и других этнических территорий. Этот термин часто воспринимается как «нормативно устоявшийся» или как навязанный Польшей для обозначения «окраинного», «колониального», «маргинального» статуса присоединенных иноэтнических территорий, без понимания в обоих случаях его настоящего смысла.

Эти и другие погрешности встречаются и в современной российской историографии по межвоенной истории Галиции. При этом она дает опыт обоснования авторами мотивов выбора терминологии относительно использования исторических названий региона. В качестве примера отметим позицию Н.М. Пашаевой, которая в монографии «Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв.» отметила, что «сознательно употребляет слово *Галичина* с ударением на последнем слоге, а не *Восточная Галилиция*. Он принят в исторической литературе и наиболее полно отражает понятие. Им обозначаются земли Карпатского региона, которые ныне входят в состав Западной Украины – Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской областей, а также Польши – трагическая Лемковщина с ее древнерусским Перемышлем. Мы избегаем употреблять для Галичины термин *Западная Украина...*» (Пашаева 2001: 5). Такая позиция выглядит достаточно аргументированной, в частности, свидетельствует о неправомерности употребления термина *Западная Украина* в отношении всех украинских этнических земель, входивших в состав межвоенной Польши.

Новая и наиболее полная рецепция российской историографии по истории межвоенной Галиции представлена в монографии К.К. Федевича. Автор четко определил суть и «равнозначность» терминов *Восточная Галиция* и *Восточная Малопольша*, но в тексте как тождественное им используется и название *Галиция*. Приемлемой, хотя еще не устоявшейся, считаем их синонимию с формулировкой *галицкие украинцы в Польше*. Оно положено в основу названия работы (Федевич 2009) и адаптирует аналоги западной историографии через фиксацию присутствия этнотерриториального феномена в определенной государственно-политической системе.

Таким образом, историческое название Галиции представляет своеобразное явление в развитии этнотопонимики Карпато-Днепровских земель и всего восточнославянского региона. По своему древнему происхождению оно имеет более чем двухтысячелетнюю историю, а в XI–XIX вв. стало основой названий, которые обозначали процессы формирования государственно-политических образований и служили маркером определения регионов проживания русинского населения, что проявилось в появлении множества этнотопонимических новообразований. При этом в разных вариантах сохранялось коренное слово *Галиция*, и только политиком межвоенной Польши решил стереть его с исторической памяти русинско-украинского и польского народов, других этнических групп, для которых оно стало важным символом этнокультурной и территориальной идентичности. В результате произошло своеобразное «этнонимическое раздвоение», которое привело к параллельному сосуществованию традиционной и официальной групп названий Галиции. Это явление отразилось на их использовании в научно-историческом дискурсе, анализ которого показал необходимость осознанного подхода авторов к использованию названий региона при изучении его прошлого и настоящего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ограничиваемся фиксацией имен достаточно известных в науке ученых. Работы некоторых из них использованы в нашей статье. Ряд фундаментальных трудов, касающихся опыта изучения исторических названий Галиции, проанализирован в исследованиях Л.В. Войтовича (Войтович 2011), С.Г. Суляка (Суляк 2019) и др.

2. Этнотопоним (древнегреч. *народ – место – имя, название*) – исторически активная, многозначная категория, разновидность топонимов, обозначающая древние географические названия. Отражает явление, когда народ и местность назывались одним словом. Используем в

таком значении: распространение этнического названия на определенную территорию, регион.

3. Из десятка версий, объясняющих происхождение названия *Галиция* (*Галичина*), наиболее обоснованы те, которые выводят его от слова *галка* (изображена на гербе Галича, столицы Галицкого княжества); греческого *галас* – *соль*; племен *алазонов* (*галазоны*); кельтского племени галлов, заселившего территорию региона в VI–III вв. до н. э. и оставившего свои названия во французской Галлии, малоазийской Галатии и др. Все версии свидетельствуют о древнем происхождении этого названия (Савчук 2004: 518).

4. Червонная Русь (Красная Русь, Червенские грады; укр. Червона Русь, Червенська Русь; лат. *Russia Rubra, Ruthenia Rubra*) – давнее название Галиции, возможно, возникшее под влиянием традиции народов Востока обозначать по цвету сложные географические названия. Имеет книжное происхождение, встречается в иностранных источниках XV–XVIII вв., не было распространено среди русинского населения (Ісаєвич 1996).

5. Например, книга Й.-Х. Энгеля «История Галича и Владимира до 1772 года» (Вена, 1792) обосновывала версию, согласно которой само название провинции свидетельствует о наследственных правах Габсбургов на новоприсоединенные земли: с XIII в. короли Венгрии, стремясь подчинить Галицию и Волынь, именовали себя *королями Галиции и Володимерии*. Эту версию 1925 г. раскритиковал украинский историк И. Кревецкий в работе «Королевство Галиция и Володимерия 1772–1918».

6. Словосочетание *русинско-украинское население* отражает особенности его самоидентификации, когда вместе с традиционными названиями *русин, русский* в 1905–1906 гг. начало проникать в галицкий социум название *украинский*. С 1918–1919 гг. этот процесс ускорился, но, как свидетельствуют и материалы нашего исследования, не был завершен до 1939 г.

7. «Кривава книга» («Кровавая книга») с подзаголовком «Матеріяли до польської інвазії на українських землях Східної Галичини 1918–1919 років» («Материалы о польской инвазии на украинских землях Восточной Галиции 1918–1919 годов») была опубликована в Вене в 1919 г. Собранные в ней свидетельства очевидцев о «злодеяниях поляков» использовались правительством ЗУНР для убеждения европейских лидеров в необходимости предоставить краю отдельный политико-правовой статус.

8. Малопольша (*Małopolska*) – историческая область, расположенная в южной и юго-восточной части Польши, вдоль Верхней Вислы, главный город Краков. Название происходит от латинского *Полония*

минор (*Polonia Minor*), т. е. *малая* в значении *молодая* Польша. Его употребляли для отличия от *старой* Великопольши (Познанщины). До конца XV в. это название относилось к территориям Краковского, Люблинского, Сандомирского воеводств. С образованием в 1569 г. Речи Посполитой была создана Малопольская провинция, в состав которой также вошли все «русские» земли короны. После ее разделов Малопольша вошла в состав Королевства Галиции и Володимерии.

9. Появление термина *кресы* связывают с романом Я.Х. Захаревича «Na kresach» (1860). Сначала он обозначал линию военного пограничья Речи Посполитой в XVII–XVIII вв., затем ее давние земли в границах до раздела в 1772 г. В период романтизма понятие *кресы* из историко-географического значения переросло в сложную национально-идеологическую концепцию (Kieniewicz 1991). Кресовый дискурс как феномен польской культуры представляет рецепция кресов как «золотого периода» истории Польши и ее культурную гегемонию. Это нашло отражение в массиве «кресоведческой» художественной и публицистической литературы, научных исследованиях, обосновывающих концепт «превосходства польской культуры» на территориях, которые сейчас являются частью Украины и рассматриваются как «культурное пограничье» (Bakula 2006).

10. Концепт «фанатизм крепости» воссоздан литературоведом М. Янион в фантазийном образе кресовой женщины, олицетворяющей родину, родной край. Она наделена патриархальными чертами воина – «кресовой амазонки», которая не боится страданий и готова принести себя в жертву в борьбе за национальные и католические ценности, за свою веру и родную семью.

11. Не углубляясь в научный дискурс относительно употребления терминов *москвофилы* и *русофилы*, отдаем предпочтение последнему, ибо он адекватнее отражает названия их организаций и идеологическую платформу, основанную на идее этнонационального единства и общерусской идентичности великороссов, малороссов и белорусов.

12. Специального непредвзятого анализа требует сложившаяся в российской и украинской историографии ситуация, когда авторы произвольно интерпретируют исторически сложившиеся в Галиции формы правописания отдельных терминов, этнонимов. Например, слова *русинский*, *русский* истолковываются и как *русский*, и как *украинский*; *руський* как *русский*, *украинский* и т. д. Ангажированные, не учитывающие исторического контекста подходы к этой проблеме приводят к искажению сущности и характера исторических процессов и явлений.

13. Название происходит от королевской династии Ягеллонов, которые, взойдя на престол в 1386 г., первыми реализовали идею объединения Польского королевства и Великого княжества Литов-

ского. Ее актуализация в межвоенный период была направлена на ослабление России за счет реализации «цивилизационной миссии» Польши на Востоке, в частности предусматривала с этой целью «мирную интеграцию» восточных кресов.

14. В детальном изложении эта работа представлена в статье «Малопольська» («Діло». Львів, 1924. 6 травня).

15. Такие произведения называют «испорченные воспоминания», переделанные в «псевдороманы» и «псевдожизнеописания», в их содержании правда и домысел часто переплетаются.

ЛИТЕРАТУРА

Верменич 2003 – *Верменич Я.В.* Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні. Київ, 2003. 516 с.

Войтович 2011 – *Войтович Л.* Границы Галицко-Волынского государства // Русин. 2011. № 3 (25). С. 5–41.

Ісаєвич 1996 – *Ісаєвич Я.Д.* Україна давня і нова. Львів, 1996. 336 с.

Західно-Українська 2011 – Західно-Українська Народна Республіка 1918–1923: документи і матеріали: у 5 т. Т. 5, кн. 2: Зовнішня політика і міжнародне становище. 1920–1921 рр. Івано-Франківськ, 2011. 915 с.

Каримова 2006 – *Каримова А.Б.* Региональное пространство в политической организации мира: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2006. 39 с.

Лесь Мартович 1954 – *Лесь Мартович.* Забобон. Твори. Київ, 1954. 464 с.

Макар 2001 – *Макар В.* Спомини та роздуми // Збір. тв.: у 4 т. Торонто; Київ, 2001. Т. 4. 520 с.

М. С. 1937 – «Русь», «Україна», «руський», «український» // Новий час. 1937. № 31. С. 2.

Організаційний 1928 – Організаційний устав Галицко-рускої народної організації // Земля і воля. 1928. № 254. С. 2–3.

Пашаева 2001 – *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. 201 с.

Русскій 1925 – Русскій голос. 1925. № 115. С. 3.

Савчук 2004 – *Савчук Б.* Українська етнологія. Івано-Франківськ, 2004. 560 с.

Стара 1939 – Стара, добра і правильна назва // Галичина. Львів, Діло. 1939. 27 лютого.

Статут 1919 – Статут для Східної Галичини // Український прапор. 1919. 9 листопада.

Суляк 2018 – *Суляк С.Г.* Русинская топонимика Карпато-Днестровских земель как источник сведений об этническом составе населения Молдавского княжества // Русин. 2018. № 51. С. 134–161. DOI: 10.17223/18572685/51/10

Суляк 2019 – *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

Талергофскій 1924 – Талергофскій альманахъ. Пропамятная книга. Львовъ: Изд. Талергофского комитета, 1924. Вып. 1. 219 с.

Талергофський 1930 – Талергофський альманахъ. Пропамятная книга. Львовъ: Изд. Талергофского комитета, 1930. Вып. 3, ч. 1. 159 с.

Ульяш 2011 – *Ульяш Ст.* Література пограниччя – пограниччя літератури. Київ, 2011. 255 с.

Уставъ 1928 – Уставъ Общества им. Михаила Качковского во Львовѣ // Наука. 1928. № 3. С. 7–8.

Федевич 2009 – *Федевич К.К.* Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. Київ: Основа, 2009. 280 с.

ЦДІАУ 1 – Центральний державний архів України у м. Львові (далі – ЦДІАУ у Львові). Ф. 71. Оп. 1. Спр. 16.

ЦДІАУ 2 – ЦДІАУ. Ф. 146. Оп. 2а. Спр. 178.

ЦДІАУ 3 – ЦДІАУ. Ф. 770. Оп. 1. Спр. 1.

Bakula 2006 – *Bakula B.* Kolonialne i postkolonialne aspekty polskiego dyskursu kresoznawczego (zarys problematyki) // *Teksty Drugie*. 2006. № 6. S. 11–33.

Bartoszewicz 1924 – *Bartoszewicz J.* Znaczenie polityczne kresów wschodnich dla Polski. Warszawa, 1924. 40 s.

Bartoszewicz 1929 – *Bartoszewicz J.* Zagadnienia polityki polskiej. Warszawa, 1929. 152 s.

Beauvois 1994 – *Beauvois D.* Mit «kresów wschodnich», czyli jak mu położyć Kres // *Polskie mity polityczne XIX i XX wieku*. Wrocław, 1994. S. 93–105.

Buczkowski 1979 – *Buczkowski L.* Czarny Potok. Kraków: Wydaw. Literackie, 1979. 238 s.

Chciuk 2002 – *Chciuk A.* Atlantyda. Warszawa: LTW, 2002. 160 s.

Grabski 1989 – *Grabski S.* Pamiętniki. Warszawa: Czytelnik, 1989. T. 2. 516 s.

Dziennik 1924 – *Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej* // Warszawa. 1924. № 73, 78, 79.

Kolbuszewski 1997 – *Kolbuszewski J.* Kresy jako kategoria aksjologiczna // *Kresy – pojęcie i rzeczywistość. Zbiór studiów*. Warszawa, 1997. S. 119–130.

Kieniewicz 1991 – *Kieniewicz S.* Kresy. Przemiany terminologiczne w perspektywie dziejowej *Przegląd Wschodni*. Warszawa, 1991. T. 1. S. 3–13.

Maliszewski 1923 – *Maliszewski E.* Stosunki narodowościowe w Rzeczypospolitej Polskiej, Warszawa, 1923. 140 s.

Skirmuntt 1925 – *Skirmuntt K.* Idea jagiellońska a polityka kresowa. Wilno, 1925. 12 s.

REFERENCES

Vermenych, Ya.V. (2003) *Teoretiko-metodologichni problemi istorichnoi regionalistiki v Ukraini* [Theoretical and methodological problems of historical regionalism in Ukraine]. Kyiv: NAS of Ukraine.

Voitovich, L. (2011) The Boundaries of the Galician–Volhynian State. *Rusin*. 3 (25). pp. 5–41. (In Russian).

Isaevich, Ya.D. (1996) *Ukraina davnya i nova* [Old and New Ukraine]. Lviv: NAS of Ukraine.

Karpenko, O. & Mirsan, K. (eds) (2011) *Zakhidno-Ukrains'ka Narodna Respublika*

1918–1923: *dokumenti i materialy: u 5 t.* [Western Ukrainian People's Republic 1918–1923: documents and materials. In 5 vols]. Vol. 5(2). Ivano-Frankivsk: [s.n.].

Karimova, A.B. (2006) *Regional'noe prostranstvo v politicheskoy organizatsii mira* [Regional space in the political organization of the world]. Political Science Dr. Diss. Moscow.

Martovych, L. (1954) *Zabobon. Tvory* [Zabobon. Writings]. Kyiv: [s.n.]

Makar, V. (2001) *Zibr. tvory u 4-kh t.* [collected Works. In 4 vols]. Vol. 4. Toronto, Kyiv: [s.n.]

M.S. (1937) “Rus’”, “Ukraina”, “rus'kyi”, “ukrainskyi” [“Rus”, “Ukraine”, “Ruskiy”, “Ukrainian”]. *Noviy chas*. 31. p. 2.

Galician-Ruthenian People's Organization. (1928) *Organizatsiynyy ustav Galitsko-ruskoï narodnoï organizatsii* [Organizational charter of the Galician-Ruthenian People's Organization]. *Zemlya i volya*. 254. pp. 2–3.

Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th–20th centuries]. Moscow: Russian State Public Library.

Russkiy golos. (1925) 115. p. 3.

Savchuk, B. (2004) *Ukrains'ka etnologiya* [Ukrainian ethnology]. Ivano-Frankivsk: Lileya-NB.

Ukrains'kiy prapor. (1919) Statut dlya Skhidnoï Galichini [Statute for Eastern Galicia]. 9th November.

Dilo. (1939) Stara, dobra i pravylna nazva Halychyna [The old, good and proper name is Halychyna]. 27th February.

Sulyak, S.G. (2018) Rusin toponyms of Carpathian-Dniestrian land as a source of information on the ethnic composition of the Moldavian principality. *Rusin*. 1(51). pp. 134–161. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/10

Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

Bendasyuk, S. (ed.) (1924) *Talegrofskiy al'manakh*. *Propamyatnaya kniga* [The Talerhof Almanac. A Memorial Book]. Vol. 1. Lviv: Izd. Talergofskogo komiteta.

Bendasyuk, S. (ed.) (1930) *Talegrofskiy al'manakh*. *Propamyatnaya kniga* [The Talerhof Almanac. A Memorial Book]. Vol. 3(1). Lviv: Izd. Talergofskogo komiteta.

Uliash, St. (2011) *Literatura pohranychchia – pohranychchia literaturi* [Literature of the borderland – the boundaries of literature]. Kyiv: Universitet “Ukraina”.

The Mikhail Kachkovsky Society in Lviv. (1928) Ustav [Charter]. *Nauka*. 3. pp. 7–8.

Fedevich, K.K. (2009) *Galits'ki ukraïntsi u Pol'shchi. 1920–1939 rr.* [Galician Ukrainians in Poland. 1920–1939]. Kyiv: Osnova.

The Central State Historical Archive of Ukraine in Lviv (CSIAU in Lviv). (n.d.) Fund 71. List 1. File 16.

The Central State Historical Archive of Ukraine in Lviv (CSIAU in Lviv). (n.d.) Fund 146. List 2a. File 178.

The Central State Historical Archive of Ukraine in Lviv (CSIAU in Lviv). (n.d.) Fund 770. List 1. File 1.

Bakuła, B. (2006) Kolonialne i postkolonialne aspekty polskiego dyskursu

kresoznacznego (zarys problematyki) [Colonial and postcolonial aspects of Polish discourse in reconnaissance (outline of the problems)]. *Teksty Drugie*. 6. pp. 11–33.

Bartoszewicz, J. (1924) *Znaczenie polityczne kresów wschodnich dla Polski* [The political importance of the eastern borderlands for Poland]. Warsaw: [s.n.].

Bartoszewicz, J. (1929) *Zagadnienia polityki polskiej* [Issues of Polish politics]. Warsaw: [s.n.].

Beauvois, D. (1994) *Mit “kresów wschodnich”, czyli jak mu położyć kres. Polskie mity polityczne XIX i XX wieku* [The myth of the “eastern borderlands”, or how to put it end. Polish political myths of the 19th and 20th centuries]. Wrocław: [s.n.].

Buczkowski, L. (1979) *Czarny Potok* [Black Stream]. Kraków: Wydaw. literary.

Chciuk, A. (2002) *Atlantyda* [Atlantis]. Warsaw: LTW.

Grabski, S. (1989) *Pamiętniki* [Diaries]. Vol. 2. Warsaw: Reader.

Poland. (1924) *Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej* [Journal of Laws of the Republic of Poland]. Vol. 73, 78, 79. Warsaw: [s.n.].

Kolbuszewski, J. (1997) Kresy jako kategoria aksjologiczna [Borderlands as an axiological category]. In: Koter, M. et al. *Kresy – pojęcie i rzeczywistość* [Borderlands – concept and reality]. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. pp. 119–130.

Kieniewicz, S. (1991) Kresy. Przemiany terminologiczne w perspektywie dziejowej [Terminological transformations in the historical perspective]. *Przegląd Wschodni*. 1. pp. 3–13.

Maliszewski, E. (1923) *Stosunki narodowościowe w Rzeczypospolitej Polskiej* [The National relations in the Republic of Poland]. Warsaw: [s.n.].

Skirmuntt, K. (1925) *Idea jagiellońska a polityka kresowa* [Jagiellonian idea and borderland policy]. Wilno: [s.n.].

Савчук Борис Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики им. Б. Ступарика Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Boris P. Savchuk – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: boris_savchuk@ukr.net

Билавич Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Galyna V. Bilavych – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: ifosuhcvas@gmail.com